

Гавриил Кротов

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Художественная автобиография
(первая половина XX века)

Гавриил Яковлевич Кротов
Три поколения.
Художественная
автобиография (первая
половина XX века)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22168163
ISBN 9785448350207

Аннотация

Частица ожившей истории нашей страны, которая была реальностью для автора и его предков. Описанные здесь происшествия и переживания помогут понять правду притеснённых людей того времени, увидеть некоторые причины крушения монархии. Реалии двадцатых и тридцатых годов, превращение юного общественного активиста в творческого педагога, размышления о возможностях развития человека и общества... Эти и другие темы, затронутые в книге, полны страстной убеждённости в том, что мир должен стать лучше.

Содержание

Завещание	5
Машина времени	6
Часть 1. Предки	9
Человек ищет свободу	9
Первое поколение	13
Зимний вечер	17
Дядя Михайло	20
Первый путь	25
Благоустроенность лубочного ада	30
Свет не без добрых людей	34
Суженого конём не объедешь	40
Свадьба	44
Горница	47
Трудная глава	51
Как сошлись пути	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Три поколения
Художественная
автобиография (первая
половина XX века)**

Гавриил Яковлевич Кротов

© Гавриил Яковлевич Кротов, 2016

© Михаил Юрьевич Щербов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-5020-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Под редакцией и с послесловием Виктора Кротова.

Дизайн обложки Михаила Щербова.

Завещание

Я, Гавриил, сын Иакова, сын Кротова, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, завещаю моим детям – Виктору, Леониду, Максиму – и всем, в кого вложены капли моего труда, третьему поколению, все богатства, накопленные двумя поколениями.

Повелеваю вам, дети мои, хранить и преумножать богатства сии, дабы, подходя к пределу своей жизни, каждый из вас мог помыслить спокойно о том, что он не был рабом ленивым, зарывшим свой талант в мусоре обывательского бытия. Чтобы, подводя итоги жизни, вы могли, как драгоценности, перебирать в памяти содеянное, узреть в общей жизни расцвет капель своей крови и труда.

Вам покажутся ничтожными сокровища наши, но оцените труд, с коим они добыты.

Понеже сии богатства невозможно выразить цифирью и иными бухгалтерскими средствами, тому следует изложение.

Машина времени

Если человеку выпадает случай наблюдать чрезвычайное, как-то: извержение огнедышащей горы, погубившей цветущее селение, восстание угнетенного народа против всемогущего владыки или вторжение в земли родные невиданного и необузданного врага – всё это видевший должен поведать бумаге.

Человек же, испытавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте, когда холодная рука смерти уже касается его головы.

В. Ян «Чингиз-хан»

Мне приходилось довольствоваться литографиями картин, тогда как вы можете ознакомиться с оригиналами картин Васнецова в Историческом музее: «Первобытная община», «Охота на мамонта», «Воины у стен Доростола», «Похороны знатного». Вот сегодня воскресенье, и я с наслаждением пошел бы с вами в музей. Посмотреть эти картины – всё равно, что очутиться в X веке.

Здесь всё, от одежды, оружия, архитектуры до лиц, даёт представление об эпохе. Эти картины можно смотреть, или даже читать, часами.

А сейчас я хочу рассказать о некоторых легендах, которые вошли в литературу и лексикон культурных людей. Очевидно, на уроках истории в восьмом классе вы не будете их упоминать, но знать их не помешает.

Место нынешней России населяли славяне – славные, сильные люди. Несмотря на свою силу, то были миролюбивые люди, сосредоточившие своё внимание на своём хозяйстве. Дети суровой природы, густых лесов они имели возможность применить свою силу на борьбу с природой, могли выйти один на один с медведем. Расчищая леса, добывая пушнину, рыбу, бортный мёд (в дуплах). Живя среди суровой природы, получая от нее всё, они любили и боготворили её. Грандиозность и таинственность природы поражали воображение славян. В причудливых изгибах деревьев они видели хозяина леса – Лешего. Всплески крупной рыбы говорили им о русалках. Усатую морду сома они могли принять за царя водяного царства. Ночная суeta мышей или возня ежа вызывали представление о домовом.

Но боги древних славян были добрыми богами, с которыми можно жить мирно. Они не требовали человеческих жертв, как боги германских или скандинавских племён. Бог солнца – созидатель жизни Ярило, Перун – бог грозы, Сварог, Даж-бог, бог ветра Стрибог, бог скота и псин – Велес.

Славяне не строили своим богам храмов. Храмом была сама природа.

Славяне делились на племена: поляне (Украина, Волынь),

древляне (жители лесов), дреговичи (жители болот), северяне, кривичи, родимичи, вятичи.

Племена делились на роды. Каждая семья имела свой участок земли и отделяла его от других Чуром – столбом – изображением человека. Никто не мог перейти через Чур, и должен был чураться по-своему. Но чураться – не значило враждовать.

Землю обрабатывали семьёй. Жена и муж назывались супряги (супруги), то есть запрягались вместе для пахоты земли, на которой они сеяли, главным образом, неприхотливую культуру жито (дающее жизнь), так до сих пор на Украине называется рожь.

На славян часто нападали воинственные скандинавские племена вары, или как их называли, варяги (подобно слову «бродяги»). Они грабили славян, брали в плен или облагали податями.

Тогда славяне решили пригласить себе сильных воинов, которые стали бы князьями славян и защитили бы от варягов. И вот новгородцы пригласили трёх братьев: Рюрика, Трорура и Синеуса, и они стали первыми князьями.

После Рюрика князем стал Игорь, но за его малолетством регентом был Олег.

Пониманию истории прекрасно помогает искусство, литература. Советую прочитать книги: «Аскольдова могила», «Князь Серебряный», «Сын крестьянина», «Чингиз-хан», «Батый», «Последний консул», «Ледяной дом».

Часть 1. Предки

Человек ищет свободу

*...Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не доносит лучей,
Буря взывает – ревущая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропщут тревожно...*

Н. Некрасов

Мне трудно описать величие русских северных лесов. Постарайтесь помочь своим воображением.

От широких низменностей на север простираются вековые леса. У истоков реки Белой леса становятся настолько густыми, что можно пробраться в глубь их только звериными тропами. Деревья умирали и падали, образуя сплошной настил, закрывающий реки. Можно было идти по такому бу-релому и слышать, как под ногами шумит речка.

Широко раскинулись густые леса дикого севера. Путь к ним преграждали болота, радующие взор изумрудом трав. Но горе тому, кто поверит этой яркой красоте. Болото коварно поглотит доверчивого путника в своей пучине. Только почти незаметные звериные тропинки затейливыми петлями ведут к сердцу тайги.

Вот она, величественная тайга, уснувшая в безмятежной тишине, среди которой хруст ветки под лапками осторожной белки кажется святотатством.

Высокие, ровные, как свечи, деревья широко раскинули в нежной синеве неба свои кроны.

Сквозь тайгу пробирается человек.

Как он попал сюда, минуя лукавые болота, густые заросли, непроходимые завалы?

Немало, видно, пришлось ему бороться с тайгой, ревниво охраняющей свой покой. Одежда его превратилась в лохмотья, тело покрыто царапинами и запекшейся кровью.

Что заставило его пройти этот путь? Трагедия ли крепостного права, ужасы ли жизни уральских заводов? Или свернул он с проторенной Владимирки, ведущей к каторжным рудникам?.. Видно было только, что человек искал свободу.

Вот он подошёл к реке, жадно напился воды, освежил лицо студёной влагой.

Тайга уже окутывалась мраком, хотя небо ещё отражало солнечные лучи. Наступала жуткая таёжная ночь. Человек казался здесь ничтожно маленьким, а лес – страшным в своей тишине и почти осязаемым мраком. Казалось, что это временная тишина, что в сгустках мрака таятся какие-то чудовища, которые только притаились и вот-вот бросятся на эту жалкую фигурку человека, посмеявшегося нарушить покой тайги, и по лесу пронесется громовое рычание победы.

Свободу охранял мрак и ужас.

Человек высек огонь, разжёг костер, отвоевав себе магический круг света и тепла у густого мрака тайги. Свет костра отгонял кошмары суеверия и диких зверей.

Утренний туман поднялся и открыл чудесную картину природы, освежённой утренней росой.

Здесь и остановился человек. Он выкопал себе землянку, напоминающую нору. Она защитила его от холода и дождей, оградила его от диких зверей и ужасов ночной тайги.

Человек нашёл себе товарищей, местных жителей-охотников, их в те времена называли вотяками. Незаметными тропами пробирались они в город, сбывали пушнину, рыбу, дичь, покупали себе охотничьи припасы и предметы несложного крестьянского хозяйства.

Тайга неохотно уступала человеку место, давая за тяжёлый труд скудный урожай. Словно лишай, разрасталась площадь, освобождённая от леса, покрывалась разноцветными заплатами посевов.

Такими застали их власти.

За их жилища, напоминавшие норы, их называли Кротоми.

Дикая природа наложила на них свой отпечаток. Люди срослись с природой. Борясь с ней, они одухотворяли её, считая живым существом, богатым и скупым. Сами они напоминали кряжистые деревья, глубоко пустившие корни в землю, могучие, но бессильные в своей неподвижности.

Цивилизация, завезённая попами и торговцами, не оторвала их от земли, а ещё больше захлестнула мутью суеверий, утверждённых церковью, и водкой. Разбойничья торговля и беспощадные подати ещё усилили бедность.

Люди потеряли больше, чем нашли.

Первое поколение

*Страда – тяжёлая, ломовая работа, натужные труды и всякого рода лишения, летние работы земледельца, особенно шесть недель жнитва и косьбы, уборка хлеба и покос.
Даль «Толковый словарь»*

Страда.

Это слово не будит в нас его первоначальный смысл. Но оно точно выражает условия уборки урожая в старое время.

Жаркое солнце потухающего лета словно выливает свой неизрасходованный запас тепла. Земля, перегретая солнечными лучами, обдаёт удушливым паром, от которого кружится голова, от которого ты готов упасть на горячую землю и забыться тяжёлым покоем. Только громадным напряжением воли можно удержаться от этого обморочного состояния. Рожь поспела. Тяжёлые зерна её градом падают на землю, а ведь это – голод. Нужны последние усилия, чтобы спасти эти драгоценные зёрна, дающие жизнь, здоровье, радость. Терпеть, напрячь все силы, но спасти эти зёрна, а усталость и боль пройдут. Они забудутся в тёплой избе зимними вечерами, когда вкусно пахнет свежевыпеченным хлебом.

Эти мысли подгоняли каждого, бьющегося на своей полоске.

Скорей! Скорей!..

Но Варваре Кротовой тяжело. Большой живот не даёт согнуться. Мучительно ломит спину. Временами она чувствует, как мучительно ворочается у неё в животе существо, которому передаются муки материнского организма.

Временами она тяжело падает на землю, закусывает руку зубами и, пересилив боль, снова тянется к серпу, снова режет рожь с тяжёлыми кистями колосьев.

Но боль нестерпимо ударила в спину, рвала тело, сводя судорогой мышцы. С дикими, помутившимися глазами, позвериному рыча, на четвереньках ползла Варвара к меже, под куст, где стояла вода.

– Прецистая! Бласлови и помилуй!¹

Она кусала губы, подавляя стоны, готовые вырваться из груди. Но стонать нельзя: кругом работают мужики.

– Сраму-то!

Василий заметил, что жены нет на жнивье. Осмотревшись, он заметил, что она лежит на меже под кустом.

– Я те покажу, стерво. Я те, барыня, подбодрю кнутовищем-то!

Но когда он увидел измученное восковое лицо жены, окровавленные руки, мокрый сарафан и розовый живой комочек, он смущённо начал топтаться на месте, нелепо перехватывая кнутовище из руки в руку.

---

¹ В вятском диалекте вместо Ч произносится Ц. (Прим. автора)

– Родила, цортушко? Допереж родила. Ить бабка баяла цё не сецяс. Погодила бы, цортушко.

Что-то похожее на нежность или жалость промелькнуло в душе Василия. Но это чувство было настолько незнакомо ему, что он окончательно смутился.

– Сынок аль доцка?

– Сынок. Уди ты ради бога.

Василий направился к возу, довольный тем, что теперь земельный надел увеличится на одну душу.

Через несколько часов Варвара снова жала рожь, а новый человек лежал под кустом, защищённый его тенью от солнечных лучей и сосал соску из жёваного хлеба, завёрнутого в тряпицу.

Варвара иногда подымала голову, прислушивалась, уходила к сыну и смотрела на него счастливыми глазами матери, озаряя его светом любви, купленным страданием.

Вечером Василий взял сеть, ушёл на реку. Наловив рыбы, приготовил уху.

– Варька, поди полопай щербы-те. Чай замучалась рожамши.

Варвара глянула на него счастливыми глазами. Она готова была перенести любые муки, чтобы видеть ласку близкого ей человека.

При свете костра они смотрели на сына.

– Целовек, поди, будет, – мечтательно произнес Василий, а Варвара крепко прижала к себе это родное тельце, пахну-

Ще молоком и хлебом.

Зимний вечер

Томительно тянутся зимние вечера. За окнами шумит пурга, тянет свою безрадостную, как жизнь, песню.

В светце горит лучина, слабо освещая лицо женщины, которая прядёт бесконечную нить и поёт заунывную песню, обидно гармонирующую с обстановкой и самой жизнью.

Яшка примостился на печи, свесил свою вихрастую голову и слушает песню матери.

– Мам, а мам, расскажи про деда-горбунка.

– Спи, пострел! Ночь уже, – ворчит мать. Но сквозь суровый ответ проскальзывает нотка нежности.

– Жил это дед-горбун. Маленький-маленький. А жил он под сырой землей, и знал он и ведал про все клады, сокровища несметные...

Вдруг в сенях послышались тяжёлые сбивающиеся шаги. Кто-то нащупывал ручку двери. Яшка нырнул в тёмный угол за трубу печи, и закрылся зипуном, а Варвара, уронив веретено, растерянно стояла, прислонившись к стене.

В избу ворвалось густое облако морозного пара, оно окутывало человека, но быстро осело и расстелилось по полу. У порога стояла фигура пьяного мужа.

– Варька, кто пришёл?

– А вы, Василий Тимофеевич.

– Гы! – оскалился Василий и тяжело рухнул на лавку, широко раскинув руки и ноги.

Этот плюгавый человек, гнувший спину перед любым начальником: подрядчиком, приказчиком, старостой – чувствовал себя господином этой женщины и упивался своей властью рабовладельца.

– Варька, сымай лапти!

– Василь Тимофеевич, помилуй сударь мой батюшка!

Но Василий не менял позы и выражения лица.

– Ну!

Варвара робко начала развязывать смерзшиеся лыковые бечевки.

– Цалуй лапоть!

Покорно, по-собачьи осторожно прислонилась Варвара губами к лаптю, сильный, обдирающий лицо удар опрокинул её на спину.

– Как цалуешь, стерво!

Он несколько раз пнул её лаптем, но, чувствуя себя неустойчиво, схватил её за косы и потащил к столу. Почувствовав опору, он начал, не торопясь, пинать ногой беспомощное тело женщины.

Диким котёнком прыгнул Яшка с печки на шею отцу и вцепился руками в бороду.

– Тять, оставь мамку!

Василий оторвал от себя Яшку и швырнул его на пол. Мать быстро вскочила на ноги, схватила Яшку, обняла его

руками и крикнула мужу:

– Не дам Яшку, не дам, идол!

Это уже не была та покорная женщина, которая минуту тому назад извивалась под ударами мужа, не смея уклониться от них, это была мать во всем её величии звериной любви и решимости защищать своего детёныша.

Василий, бормоча угрозы, кинулся на лавку и вскоре захрапел.

Мать, обняв сына, плакала слезами обиды, утешая его. Разбуженная шумом старуха-свекровь ворчала:

– Охальница ты этакая. Да как это язык-то у ты не отсохнет, мужу такие слова говорить. Мужа то ублажить надуть, а ты... эх, ты, змея лютая. Мало бьёт он тебя.

Варвара уложила сына и начала раздевать сонного мужа. Эта беззащитная женщина, покорная мужу жена без особых усилий поворачивала расслабленное тело мужа и, как ребёнка, перенесла его на постель. Потом погасила свет и долго молилась, кладя земные поклоны перед иконами, тёмные лики которых широко открытыми глазами равнодушно глядели на муки женщины, на дикую жизнь человеческого семейства.

Дядя Михайло

Сладок на заре детский сон. Так не хочется открывать глаза, а ведь потом надо вылезти из-под тёплого зипуна и идти в предрассветную сырость.

Яшка слышит голос матери, чувствует её настойчивые толчки, но хочется ещё немножечко, ещё чуть-чуть полежать, выгадать несколько драгоценных минут. Но мать безжалостно стаскивает зипун, и сон исчезает. Яшка надевает зипун, кладёт за пазуху ломоть хлеба, луковицу и соль, завязанную в узелок тряпицы. Всё это заботливо приготовлено матерью. Вот они выходят на двор. Мать открывает ворота, и Яшка гонит скотину на пастбище. Он звонко щёлкает длинным кнутом и басовито выкрикивает ругательства. Пасти приходится одному. В лесу можно растерять большое стадо. Яшка не трусит. Он уже чувствует себя большим. Его семилетний возраст не мешает ему чувствовать себя настоящим мужиком. Это очень интересно в семь лет.

Взошло солнце. Трава ещё покрыта росой, но уже не ощущается холода. В лесу на полянке Яшка пускает коров пастись, а сам ищет ягоды, слизун, кислицу – вот и завтрак готов. Потом он следит за птицами, стараясь понять, куда ползёт этот дятел или почему сороки подняли такой отчаянный галдёж. Он жадно наблюдает жизнь леса, скрытую и тихую, но красочную и интересную. Стоит только уметь замечать,

и перед глазами открывается жизнь и борьба. Вот осторожно крадётся ласка, грациозно изгибая красивое хищное тело. Вот в траве бессильно трепещет крылышками птичка, скованная взглядом змеи. Она видит надвигающуюся смерть, но её движения парализованы уколами холодных змеиных глаз. Всё это интересно Яшке, всё это понятно ему, и всему он может дать объяснение. Но как только взгляд его охватывал более широкое пространство, начинают мучить вопросы: почему? Почему дует ветер? Почему бывает день и ночь? Где кончается лес и что идёт дальше? Эти вопросы вспыхивают в голове Яшки и гаснут, не получая ответа.

В полдень Яшка выгнал скотину к реке. Спасаясь от жары и овода, коровы стояли в воде, лениво обмахиваясь хвостами.

Яшка заметил мужика, склонившегося над ручьем, занятого какой-то работой. Он осторожно подошёл и увидел, что мужик устанавливает маленькую игрушечную мельницу на плотине, сделанной из камня и дёрна. словно сказочный великан, он снял крышу мельницы и наблюдал за работой деревянного механизма.

– Пойдёт! – произнёс мужик вслух, подтверждая свои мысли.

Теперь он выпрямился, поправил ремешок, охватывающий длинные, выющиеся на концах волосы, и улыбнулся Яшке ласковой улыбкой.

Между мужиком и Яшкой завязалась беседа. Познакомились. Дядя Михайло (так завали мужика) объяснил Яшке устройство модели водяной мельницы, по которой он будет строить настоящую, большую мельницу на реке Белой. Яшка узнал, что дядя Михайло столяр из соседнего села и славится своим мастерством. Он мог сделать из дерева всё, от басковой ложки до ткацкого станка. Дядя Михайло охотно объяснил, как вырубаются замки, связывающие углы деревянных строений, сращиваются брёвна, укрепляются стропила, как из дерева строится громадное, прочное здание.

С этих пор дядя Михайло и Яшка встречались часто. Столяру нравился этот толковый любознательный парнишка, а Яшка не чаял души в своём новом знакомом. Он казался ему добрым волшебником, знающим много тайн, способным сказочно переделать окружающую жизнь. Сама внешность Михаила напоминала Яшке образ святого угодника, только всё лицо светилось доброй, мягкой улыбкой. И Яшка готов был отдать ему свою детскую душу.

Дядя Михайло уговорился с Яшкиным отцом, чтобы на зиму Яшку отдали к нему в ученики.

Семья дядя Михаила была большой и дружной. В этой семье не было тяжёлой нужды, ссор и драк, которые постоянно наблюдал Яшка в своём доме. В зимние вечера семья собиралась вокруг стола. На столе в резном светце горела берёзовая лучина. Женщины пряли лён, бабушка вязала чулки,

мужчины плели лапти или делали ложки. Затеяливым кружевом плелись сказки бабушки о прекрасных царевнах и царевичах, о сказочном царстве, о свирепых драконах и храбрых богатырях. Иногда Михайло рассказывал о городах и заводах, о далёких областях, где всё не так. Где текут широкие реки, где бурлаки тянут громадные баржи, где ходят чудовищные паровозы, где стоят большие дома и живут богатые люди.

Эти рассказы раскаляли Яшкино любопытство, и всё это сливалось в сплошную сказку.

Иногда Михайло затягивал песню. Мягкий и приятный голос сразу делал песню интересной. Её подхватывала бабушка, низкими голосами вторили сыновья, вплетали свои звонкие голоса невестки и дочка, Яшкина ровесница.

Особенно хороши были субботние вечера, когда комната была чисто вымыта. Освежённые баней члены семьи садились пить чай. После чаю Михайло расстилал на столе чистое полотенце, доставал с божницы толстую библию, тщательно завернутую в белую холстину, и благоговейно раскладывал её на полотенце. Он читал отдельные главы из Нового и Ветхого завета. Иногда библию сменяла книга «Житие святых». Перед Яшкой вставляли образы Моисея, Саула, Макковеев, рисовались образы подвижников, которые гибли за веру, перенося невероятные муки.

Вскоре Яшка научился читать и к весне уже довольно бойко читал псалтырь. Хорошо давалось ему и ремесло. Наблю-

дательность и цепкая память не упустили ничего.

Весной, к пасхе, Яшка принёс свой первый заработок— два рубля восемьдесят четыре копейки (пятнадцать копеек он тайком отдал матери). В этот же вечер Василий крепко напился и ознаменовал это семейное событие тем, что жестоко избил жену и сына, крича, что он поилец-кормилец, что плевал он на чужое «богатство», что Яшка останется дома и нечего работать на Михаила.

Тяжело было Яшке покидать семью дяди Михайло, сменить тихие радостные вечера на буйство отца, ворчню бабушки, наблюдать материнские слёзы бессильного отчаяния.

Первый путь

Омутнинск – центр одного из старейших районов черной металлургии... Один из наиболее заброшенных уголков дореволюционной России.

*Большая советская энциклопедия,
том 41, стр. 142*

Нет больше царственной тайги. Сквозь неё прошли уже русские отряды с Устюга, Новгорода и Ростова-Суздаля. На месте вотского поселения была заложена крепость с земляным валом – Хлынов. Потом Хлынов был захвачен и подчинён Московскому государству. Свободные жители Хлынова были переселены в Московскую и Калужскую области, а на их месте присланы устюжане. Русское поселение разрослось в город Вятку.

Долгое время исторический путь проходил по водным путям, двигался к богатствам земли, вырастали такие заводы, как Омутнинск, Глазов, оставляя в стороне медвежьи уголки сёл. Их заводам нужен был уголь, и у местного населения появился новый промысел – обжигание угля.

Вот тогда-то тайга упала под ударами топора. Вырубались вековые деревья. Большая часть земли снова зарастала лесом, но это уже не был тот величественный лес, который рос по своей воле. С первым санным путём за сотни вёрст из лесных сёл к воде тянулись угольные обозы в сотни подвод.

С таким обозом выехал и Василий, прихватив с собой Яшку. За четырьмя санями, которые отправлял Василий, трудно было уследить одному. Из села выезжали двадцать-тридцать саней. По дороге из сёл, лежавших по пути, присоединялись новые санные группы, и обоз растягивался на несколько вёрст.

Это первое путешествие доставило Яшке много радости. Всё было однообразно, но в то же время изумительно ново. Дорога тянулась по лесной просеке. По бокам её стояла густая стена леса. Тяжёлые хлопья инея причудливо украшали деревья. Особенно красив был лес в лунную морозную ночь. Расплывчатый круг луны с трудом пробивал морозную мглу, и крупные серёжки инея вспыхивали яркими синими огнями. Скрипели полозья, отфыркивались лошади, мужики бежали за подводами, размахивая руками и хлопая себя по бокам, чтобы согреться. Иногда затевали возню, сталкивали друг друга с узкой наезженной дороги в рыхлый глубокий снег.

Иногда на пути встречался обратный порожняк. Начинались споры о том, кому сворачивать с дороги, но велись они больше для того, чтобы скрасить однообразие долгого пути. После лёгкой перебранки малый обоз-порожняк обычно со смехом сталкивали с наезженного санного пути, а большие обозы, поспорив, сами отводили порожняк в сторону: этого требовала справедливость.

Но однажды Яшке пришлось наблюдать картину, которая поразила его своей несправедливостью. В морозном воздухе послышался звон колокольчиков. По обозу прокатился встревоженный крик:

– Братцы, цорт нацальника несёт! Все, не соблюдая осторожность, принялись поспешно сворачивать лошадей в снег. Лошади вязли в снегу по брюхо, заступали в верёвки розвальней, калеча ноги. Опрокидывались короба, и ладно уложенный уголь рассыпался по снегу, втапывался лошадьми.

Кибитка, звеня бубенцами, принеслась по дороге, мужики, сняв шапки, стояли по пояс в снегу, с каким-то страхом глядя на кибитку. Последние подводы не успели свернуть. Из кибитки поднялась фигура в енотовой дохе и разразилась угрозами и руганью. Кучер безжалостно хлестал кнутом испуганных лошадей и ещё более испуганных мужиков. Сани спешно были сброшены в снег, и кибитка умчалась.

– Какая сила в этих колокольчиках?.. – думал Яшка.

Но вот дорога становилась всё шире, лес редел, и наконец Яшка увидел низину, в которой раскинулся город. В одном конце его поднимался столб чёрного дыма и белого пара. Зарево огня красило всю окрестность багровым цветом.

– Пожар, тятка, гли-ка!

– Дурной, завод это.

Страшно было ехать к заводу. Чем ближе подъезжал обоз, тем Яшке становилось страшнее. То, что издали казалось

маленьким, вблизи становилось большим: громадные дома, громадные корпуса, высокие домны.

Вся площадь у завода была заполнена подводами с углем. Мужики спорили из-за очереди, спорили до хрипоты. Спор переходил в дикую ругань, чаще всего заканчивавшуюся драками. Но вот место занято, и мужики уже добродушно греются, толкая друг друга плечом, потешно прыгая на одной ноге. Шум, гомон, фыркание лошадей. Пар от дыхания поднимался облаком над площадью.

Внезапно шум смолк, мужики сдёрнули шапки. На площадке амбара стоял коренастый человек, одетый как-то странно, непривычно для Яшки. Снова Яшка почувствовал силу одного человека над этой толпой.

– Ну, мужики, с богом, по порядку на платформу! Сани въезжали на платформу. Человек заглядывал в короб.

– Полтинник, вали! И короб опрокидывал и, высыпая уголь.

– Тридцать пять копеек! Вали...

– Цо вы, господин приказчик, помилуйте!

– Короба неполные, уголь мелкий. Ну, вали и проезжай!

Пять подвод – рубль семьдесят пять копеек на руки!

Короба опрокидывались, и из окошечка будки рука протягивала бумажки и мелочь.

– Проезжай! Не годится – со снегом и короба неполные.

– Помилуйте, батюшка...

– Проезжай, проезжай.

– Батюшка-барин, уж сколько вашей милости будет угодно, не гоните ради Христа...

– Двадцать пять копеек. Вали! Четыре подводы – один рубль.

– Добавьте по гривеннику... Семьдесят вёрст вёз.

– Пошёл вон – милости не понимаешь!

И мужики, скорые на расправу с любым, здесь покорно благодарили ограбившего их человека. Яшку и здесь поражала эта сила одного человека над всеми.

Мужики отъезжали в сторону, останавливали лошадей, бросали им охапки сена и долго перебирали медяки и бумажки, мучительно подсчитывая разницу между надеждой и действительностью.

Василий и его односельчане получили расчёт. Задав лошадям корму, мужики отправились в трактир. Там стоял густой пар, и спёртый прокуренный воздух перебивался запахом щей и пельменей Яшка быстро наелся, а мужики, выпив водки, галдели, смеялись, пели.

– Тять, мы скоро домой?

– Подь, погуляй. Ночевать будем.

И Яшка вышел из душного трактира на улицу.

Благоустроенность лубочного ада и неприглядная жизнь завода

Завод казался страшным, но Яшке хотелось посмотреть его. Он прошёл на заводской двор. Здесь всё было необычно. Яшка приблизился к домне, из которой валил густой чёрный дым. Вблизи она была громадная, а около неё сновали ничтожно-маленькие фигурки людей. Люди были совершенно чёрные от копоти и угля, только глаза и зубы блестели на чёрных лицах. В первое время Яшке показалось, что он видит ад. Устройство и быт ада были изучены Яшкой до мелких подробностей. Когда мать открывала сундук с бельём и холстами, Яшка всегда рассматривал лубочную картину, наклеенную на крышке сундука. Картина изображала ад. Внизу в правой стороне сидел главный чёрт. Художник не пожалел на него чёрной краски. Кругом озабоченно трудились чёрные фигурки чертей... Маленькие, хиленькие, они с трудом тащили тучные туши грешников. Красный фон огня подчеркивал трудность их работы. Яшка был убежден, что в аду мучаются черти от непосильной работы. Во всяком случае, ад, изображенный на лубочной картине, был гораздо привлекательней, чем заводской двор.

Люди толкали вагонетки, тачки, носили брусья чугуна, одеты они были в чёрные лохмотья, которые не прикрывали, а только причудливо драпировали тело. Захваченные своей

работой, люди не чувствовали ни мороза, ни жара печей. Яшка видел, что эти люди служат громадным печам и машинам, а те зло требовали труда.

Вдруг около домны раздался окрик:

– Бей леток!

Люди поспешно отбежали в сторону. Несколько человек держали большой железный прут. Держа прут на весу, они разбежались и ударили в круглое окошечко внизу домны и поспешно отбежали в сторону. Из летка хлынула струя расплавленного чугуна, разбрызгивая тучи ярких искр. Чугун растекался по ямкам, сделанным в песке. Наконец струя истощилась. Чугун постепенно менял свой цвет. Один оттенок сменял другой. Из ярко-белого он стал жёлтым, потом оранжевым, потом покрылся переливающимся сизым налётом.

Всё это казалось страшным, непонятным, но интересным.

Яшка очнулся и заметил, что наступила ночь. Он поспешил в трактир. Мужики были пьяны. На Яшку никто не обращал внимания, да у него и не было охоты попадать под руку пьяным. Яшка свернулся калачиком в углу и заснул.

Утром Яшка проснулся раньше мужиков. В трактире была ужасная духота. Пахло водочным перегаром, табачным дымом и кислым запахом овчин. Люди спали вповалку, причудливо перепутав тела. Яшка с трудом пробрался через бесчувственно спавших и вышел на улицу.

Ему хотелось ещё посмотреть завод, и он снова направился к домне. Вдруг за углом заводского корпуса раздался страшный грохот, что-то так громко рывкнуло, что этот страшный звук долго перекатывался в поле. И вот из-за угла выползло невообразимое чудовище. Оно двигалось, и это давало право воображению считать его живым, кроме того оно, как живое, вздыхало, отдувалось густыми клубами пара. Из головы его валил черный дым с большими яркими искрами. Чудовище это или машина, но Яшка решил держаться от него подальше. Лучше уйти туда, где, пусть чёрные и страшные, но всё-таки люди. Яшка пошёл на то место, где был вчера.

По длинным мосткам на самом верху домны люди толкали вагонетки и опрокидывали их в доменную башню. Люди казались маленькими, по цвету и движениям напоминали муравьёв.

Вылитый вчера чугун разбивали кувалдами на чушки и складывали в штабеля.

Сколько прошло времени, Яшка не заметил, пока один рабочий не сказал:

– Ты, паря, подь-ка отсюда, а то зашибут ненароком.

Яшка спохватился, что надо идти к своим, и побежал к трактиру.

На площади опять было тесно от подвод с углём.

Зайдя в трактир, Яшка увидел, что ни отца, ни односель-

чан нет.

– А где наши? – спросил Яшка у хозяина, сидевшего за поплавком.

– Ваши? По лесу бегают да воют или в берлоге лежат.

Яшка понял, что он остался один в чужом городе. Слёзы потекли по щекам, и он представил весь ужас своего положения.

Хозяин прикрикнул:

– Ты, паря, иди отсюда, а то с тобой беды не оберёшься. Иди, иди, авось своих встретишь, – и трактирщик настойчиво вытолкнул Яшку за дверь.

Он ещё некоторое время бродил по площади, пытался спрашивать о своих, но ему отвечали смехом или руганью.

Свет не без добрых людей

Жгучий комок сжимал яшкино горло, но слёз не было.

Как выбраться из этого города, где все – чужие люди, безжалостно смеющиеся над горем мальчика?..

Он побрёл по улице, не представляя, куда он идёт, но движение успокаивало.

Внезапно один дом привлёк внимание Яшки до такой степени, что он забыл своё горе. Яшка услышал звонок, и с крыльца дома выбежала толпа детей, толкаясь, кувыряясь, бросаясь снежками. Увидев Яшку, они подбежали к нему и обступили тесным кольцом.

– Ты кто, мужичок?

– А што?

– В лоб тебе щелчок! – и острая боль обожгла яшкин лоб. Яшка не привык прощать обиды, но отыскать обидчика было нелегко. Растерянность Яшки ещё больше развеселила ребят. Они теребили его зипун, хватали за опояску, за ноги. Опояска развязалась, бечёвки лаптей распутались, и Яшка неуклюже топтался на месте, лишенный возможности двигаться, нанося удары в воздух. Ребята хохотали до изнеможения над нелепой фигурой Яшки.

Раздался звонок, и ребята так же неожиданно исчезли, как и появились.

Яшка подвязал бечёвки лаптей, подтянул кушак, поднял обломок кирпича и деловито направился в дом, в который вошли ребята. Он смело распахнул дверь и вошёл в сени, но воинственный дух пропал, когда он открыл дверь в другую комнату. Яшкины обидчики сидели за длинными столами, внимательно глядя на человека с длинными, зачёсанными назад волосами. Увлечённые беседой, они не обращали внимания на Яшку.

Учитель рассказывал о грозных явлениях природы, отчего бывают дожди, гром и молния. Беседа была интересна, как сказка, и ясна, как хрустальная вода лесного ручья. Яшка слушал внимательно, не пропуская ни одного слова.

Вдруг учитель заметил Яшку и направился к нему.

– Что ты тут делаешь?

На этот простой вопрос Яшка не мог подыскать ответа.

– Я... я слушал.

– Что же ты слушал?

– Да вот давно мне хотелось знать, отчего это всё случается.

И Яшка толково пересказал беседу учителя. Учитель взял его за руку, ввёл в класс, взял из его рук кирпич и положил на стул рядом с ученическими тетрадями. Класс разразился хохотом, но строгий взгляд учителя погасил смех. Смех ребят выбил Яшку из колеи. Яшка не слышал вопросов учителя. Он чувствовал, как горят уши и на лбу выступают крупные капли пота.

Прозвенел звонок, дети собрали книжки и покинули класс.

Учитель снял с Яшки шапку, посадил его на скамейку.

– Ну, расскажи, откуда ты взялся? Надеюсь, не с картины Богданова-Бельского.

Наконец к Яшке вернулась способность разговаривать. Он подробно рассказал все события сегодняшнего дня. Как называется его село и где оно находится, он сказать не мог. Где искать своих, не знает.

– Ну что, пойдём ко мне. Устроим твои дела, а пока надо покушать.

Квартира учителя помещалась в школьном здании. Это была уютная, чистая комната. Первое, что поразило Яшку, – это большое количество книг.

Учитель разжёл самовар, заставил Яшку умыться, причесал его непослушные вихры. Наконец на стол был подан самовар, поставлен белый хлеб, колбаса, молоко.

После обеда учитель подробно расспрашивал Яшку о жизни в его семье. Беседа длилась долго. Самовар прекратил свою тонкую песенку, за окном сгустились ночные сумерки. Когда Яшка рассказал о том, как отец забрал его от дяди Михаила, об избиении матери, учитель поднялся и задумчиво начал ходить по комнате. Яшке показалось, что он обидел доброго учителя. Он начал оправдывать отца, но учитель наклонился к лицу Яшки и проговорил внушительно и мягко:

– Яша, запомни, что это самая грязная черта характера – бить. Бить жену, сына, бить слабого, безвинного, а ещё больше обидно, что в характере русского человека глубоко сидит привычка покоряться.

Так Яшка остался в доме учителя. Учитель проверил знания Яшки и остался доволен его памятью, умением рассуждать и излагать свои мысли. Скоро учитель крепко полюбил этого мальчика, много занимался с ним. Кроме учебного материала, он много говорил ему о жизни, о том, как можно её переделать, как лучшие люди борются и гибнут за счастье людей.

На третий год Яшка сдавал экзамен за четыре класса церковно-приходской школы.

Экзамен принимали высокопоставленные лица города: попечитель народных училищ, земский начальник, полицмейстер, священник городского собора.

Ученики взволнованно отвечали на вопросы учителя и членов экзаменационной комиссии. После того, как опрошены были все, учитель попросил проверить знания у Якова, рассказав, при каких обстоятельствах Яшка попал в школу.

Яшка поразил своими ответами членов комиссии. Он уверенно, не спеша, отвечал на вопросы. Подробно и с чувством рассказал он о страданиях Иова, о жизни народов Российской империи, о жизни славян и времени татарского ига. Растроганный священник благодушно улыбался и пригова-

ривал:

– Благолепно, чадо. Благолепно!

Комиссия вручила ему награду: евангелие в бархатном переплёте и книгу Водовозова «Страны и народы земного шара». Учитель обратился с просьбой к комиссии о дальнейшем обучении Яшки за казённый счет. Члены комиссии согласились, поручив учителю получить согласие родителей.

В дело вмешался полицмейстер. Он быстро нашёл яшкиного отца. Но Василий наотрез отказался отпустить сына.

– Робить надуть. Вырастил, выкормил, пора в работу пускать, нече ему с господами якшаться.

Напрасно учитель убеждал Василия. Полицмейстер приказал Яшке вернуться под родительский кров. Учитель пытался объяснить, что у Яшки исключительные способности к учению, но полицмейстер заметил:

– Господин учитель, для чего крестьянскому сословию наука? Выучим мы его, а потом?.. Что как вас, господин учитель, придётся под надзор полиции посылать в места столь отдалённые.

Учитель провожал Яшку за город и в последний раз давал ему наставления:

– Крепись, Яша. Помни, что и в глуши можно делать великое доброе дело. Начни с самого себя. Покажи людям, как жить надобно, а там и другим станет стыдно своего убожества. Стремись, чтобы жизнь твоя была чистой. Учись сам,

книги отбирай хорошие. Мал ты, Яша, боюсь, задавит тебя жизнь, но ты борись. Ну, прощай. Прощай... Эх, Василий, губишь ты сына...

– Робить надеть, батюшка-барин. На што ему умнее отца-то быть.

Лошадь медленно плелась по пыльной дороге, увозя Яшку.

Суженого конём не объедешь

Яшка с восторгом любовался родными картинами суровой и прекрасной природы. Но какой оскорбительной, противной казалась жизнь села! Изнурённое лицо матери, постоянно появлявшиеся у неё синяки, суровый взгляд отца и нудная воркотня бабушки. Грязь, паутина, пыль...

Когда Яшка заметил, что надо бы смести паутину, бабушка разразилась потоком ругани.

– Барин какой! Паутина ему помешала. Да знаешь ты примету? Паутину смести – богатство из дому вымести.

Яшка почувствовал своё бессилие.

В семье считали его порченным.

– Сглазил учитель Яшку.

Вскоре Василий явился пьяный, и начал бить Варвару. Яшка подошел к отцу, схватил его в охапку и положил на постель.

– Не смей бить, слышишь!

Василий кричал, ругался, проклинал сына, выкрикивал грубую матерщину, наконец, заплакал пьяными слезами. Мать и бабушка накинулись на Яшку, но он заявил, что драк более не допустит. Яшку удивляло то, что больше всего на него была обижена мать.

Когда окончилась страда, Яков снова пошёл работать с дядей Михаилом, и их дружба сделалась настолько крепкой, что они не чувствовали разницы лет. Яшка знал гражданскую грамоту, знал много того, чего не знал Михаил. Они часто беседовали, читали книги, а иногда и спорили. Книгу Водовозова читали вслух, и Михайло сокрушенно качал головой.

– Ишь ты, живут швейцарцы не по-нашему. Потому – труд любят, бережливости сызмальства приобычены, грамоте знают, потому и дома у них лучше, и скот крупней, и работать умеют, а земля-то камень. Эх, тьма наша, дикость медвежья!

В доме Михайла Яшка считался полноправным членом семьи.

Однажды Яков зашёл в избу и заметил, что дочь Михайла – Клавдя – смотрит книгу.

– Ты чего это?

– А я, Яша, глянула только.

– А чего ты понимаешь, баба?

– Да ведь интересно, как из этих червячков слова получаются.

Яков хотел отрепать Клавдю за волосы за то, что она посмела взять книгу, но ему тут же представился образ учителя. Он быстро изменил тон и совсем ласково проговорил:

– Хочешь, я тебя читать научу?

– Дык ведь смеяться будут люди.

– А мы тайком. Никто не узнает.

С тех пор они часто уходили в огород, и в высоких подсолнухах Клавдя училась читать и писать. Яшка горячо пересказывал беседы учителя о жизни.

Прошло несколько лет.

Летом работал Яков в хозяйстве отца, зиму – с дядей Михаилом. В шестнадцать лет он стал самостоятельным мастером. К избе отца он пристроил горницу, в которой завёл мастерскую и установил свои порядки. Горница была чистая. У большого застеклённого окна Яков поставил верстак и токарный станок, но прежде всего сделал шкафчик и поместил туда свою библиотечку. Из заработков Яков находил возможность выделять средства на приобретения новых книг. Учителя он больше не встречал, потому что тот, отбыв срок ссылки, уехал в Петербург.

Яков был уже рослым, сильным парнем. Начали пробиваться усы, и голос огрубел. Отец и мать настаивал на его женитьбе, но сын отказался.

Когда к нему однажды заглянул Михаил, Яков пожаловался и рассказал о том, что отец заставляет жениться.

– А ведь вырос ты, Яков. Пора. В твои годы надо жениться, не то избалуешься. Хочешь, Клавдю отдам за тебя. Страшно пускать её в такую семью, да надеюсь на тебя. Голова у тебя умная, руки золотые и сердце мягкое... Не загубишь ты мою

дочь. Верю этому.

Яков покраснел.

– Любишь ты её. Знаю ведь я, как ты хорошему учил её, да и она в тебе души не чаёт. Ин шли сватов.

Когда Яков сообщил отцу и матери о своем решении жениться, они очень обрадовались, но выбор не одобрили.

– Богаты они. Не отдаст Михаило Клавдю. Да и работница из неё плохая будет. Набалована дома.

Вечером Яков вышел к реке и встретил Клавдю.

– Подь сюда. Слово сказать надо.

Когда они отошли в сторону и сели под ракиту, Яков смущённо проговорил:

– Знаешь, Клашуня, отец соглашается тебя замуж за меня отдать.

– Да ведь рано словно бы.

– Не век в девках будешь сидеть. Вон Федька на тебя поглядывает, как козёл на капусту. Чай, пойдёшь за него на богатый двор, да сытую жизнь. Богачества нет у меня, это верно, так берёг бы я тебя. Люба ты мне, Клашенька.

Обдало её душу ласковым теплом, когда услышала новые ласковые слова, не слыханное в селе это её имя – Клашуня. Растаяло девичье сердце. Протянула она Якову руки.

– Поди, бить будешь, Яша?

– Эх, Клашуня! Сердце бы тебе показал, чтобы поверила...

– Верю, Яшенька.

Свадьба

*Впервой я поклонилась —
Вздروгнули ноги резвые.
Второй я поклонилась —
Поблекло личико белое.
Я в третий поклонилась,
И волюшка скатилась
С девичей головы.*

Н. Некрасов

– Не будет счастья от этой свадьбы. Невеста-то словно в гости собралась. Не воет, не плачет. Не жаль ей воли девичей.

А невесте полагалось плакать. Веками сложенные свадебные песни одна за другой пели о грозном муже, о шелковой плети, о злом свёкре, о лютой свекрови, о побоях и муках, о горе и бедности. И когда молодые подошли под благословление, а Михаил передал образ Якову, Клавдя поняла, что уходит из родного дома. Она заметила суровое лицо свёкра, знала и его характер.

– Передаю тебе, Яков, дочь своими руками. Люби её, как душу, а трясси, как грушу. Дочь, почитай мужа, кланяйся ему в ноги. Клавдя упала на колени. Вот отец твой, кланяйся ему, вот мать твоя. Болью ударили эти слова Клавдю.

Наконец молодых отправили в спальню. Когда вошел

Яков, Клавдя плакала. Её плечики вздрагивали. Яков неловко подошел к ней.

– Клаша, ты чего это? Слышь! Не бойся. Брешут всё старики. Хорошо мы жить будем. Ты мне верь, Клашенька.

– Боюсь, Яшенька. Отца твоего боюсь, мать боюсь. Ведь и ты им подчинён будешь.

– Клаша, знаешь, что мы сделаем? Уйдём отсюда. Далеко уйдём, аж до страны восходящего солнца, где нет зимы. Цветов там, Клаша... Люди там живут не по-нашему...

И Яков долго рисовал ей картину жизни, вычитанную им из книги Водовозова. Клавдя с восторгом слушала его.

– Чудное ты баешь, Яша. Аж в сказке этого нет. Чудно больно.

Яков обнял её, а она доверчиво склонилась к нему на грудь.

– А детей своих учить будем. А мы-то радоваться будем, на них гляючи. Домик построим маленький, чистенький.

Так болтали они, пока Клавдя не уснула тихим детским сном на груди у Якова. Рот её приоткрылся, как у ребёнка, да и сама она казалась маленькой девочкой. Яков осторожно гладил её волосы и не раздеваясь уснул рядом.

Когда утром пришли за рубашкой, Яков прогнал сватов. Но пришёл Михаил.

– Ты, Яков, не дури. Не позорь честь моей дочери. Муж ты ей. Не слушай слёз девичьих. Биться будет – под бок кулаком сунь. Неча возжи-то распускать с первого раза.

Яков остался в комнате, растерянно думая: «Люdiam-то какое дело до нас. Даже дядя Михаило кулаком под бок советует». Но рубашку не выдали.

По углам зашущукали старухи, как запечные тараканы, негромко, но так, чтобы слышно было:

– Не будет добра. Порченная девка.

– Жених сурочен. Сглазу. В городе его жид испортил.

Михаил не на шутку рассердился на Якова. Чуть в глаза не плюнул. Василий и Варвара ехидно улыбались.

Три ночи убаюкивал Яков на коленях Клавдю, не обращая внимания ни на шушуканье, ни на обиды Михаила, ни на открытые насмешки родни. Но вот нагружены подводы с приданым: сундуками, шубами, холстами. К саням были привязаны овцы, лошадь, корова-первотёлочка. Среди родни начался скандал. Василий считал себя кровно обиженным, хотя до этого радовался обильному приданному.

– На бедность нашу кинули ворох тряпок, овец паршивых, да тёлку порченную. Натё, мол, да стыд покройте дочери-то гулящей.

Подскочил Яков, схватил отца в охапку, кинул его в сани и крепко ударил лошадей. Собравшаяся толпа любопытных заливалась хохотом.

– Славно разделался!..

– Ой, не будет счастья...

Горница

– Всё как-то не по-людски ты, Яша, делаешь. Говорить, да судить о нас люди будут.

– Пусть судят. Посудят, посудят, да на каторгу не сошлют. Но ошибся Яков.

Он предполагал построить свою жизнь по образцам, прочитанным в книгах, по беседам своего учителя. Но их ждала каторга, убивающая лучшие человеческие чувства.

Молодые поселились в горнице, которая была мастерской Якова. Тут же был поставлен стол и небывалое в селе – кровать с простынями, подушками, тогда как обычно спали на полатях вповалку. Горница была чисто убрана.

Еще задолго до приезда молодой готовил Яков горницу. Мать, наблюдая хлопоты сына, ревниво ворчала:

– Значит, вроде как барыню привезёшь? Может, нам и заходить сюда не позволит твоя краля?

– Брось, матушка, просто вам мешать не хочу. Об одном прошу: не обижай Клавдю. Ведь сама ты горя натерпелась, должна сочувствовать.

– Так, так, натерпелась от мужа, так ещё от барыни терпеть придётся.

Она ушла, плюнув и хлопнув дверью.

Приехав после свадьбы, Яков привёл Клавдю в горницу.

Клавдя скинула зипун и не знала, что ей делать.

– Вот наша горница, Клаша.

– Хорошо у тебя, Яша.

– Не у меня, а у нас, Клашуня.

Яков схватил Клавдю на руки, и закружил её по комнате. Но тут приехали отец и мать. Долго возились во дворе, прибирая скотину, определяя место приведённому скоту. Потом втаскивали сундуки, носили холсты, берда, новины. Яков вышел помочь отцу, но он кинулся на него с кнутом. Яков схватил его за отворот зипуна и произнес спокойно и решительно:

– Будя, батя, не замай. Не тронь ни меня, ни Клашу, а то, свят бог, доведёшь до греха.

Слабосильный отец не смел связываться с сыном, но за таил зло против снохи. Мать не могла примириться с тем, что свекровь не властна над снохой, что молодая жена Якова будет жить счастливее её. Это чужое счастье не давало ей покоя. В первый же вечер она заявила:

– Матушка-барыня, не в горенке жить ты приехала. На стол приготовить надобно, скот обиходить, воды принести. Не буду я, старуха, на тебя, барыню, работать.

И Клавдя горячо взялась за работу, надеясь трудом сыскать расположение свекрови. Но на каждом шагу она слышала упреки и тихий шёпот: «Порченная... Беспутная...».

В первую ночь она плакала горькими слезами, припав к груди мужа. Яков утешал её. Ласки мужа успокаивали

Клавдю. Она была счастлива его любовью, её успокаивала его сила и решимость.

В эту ночь она стала его женой.

Потянулись серые дни. Свекровь ворчала по малейшему поводу, подгоняя сноху. Зимой пала корова. Это несчастье было приписано Клавде, её «дурному глазу».

Только в горнице она встречала ласку и забывала около Якова все горести дневных неурядиц. Но Якову часто приходилось отлучаться на работы, на завод с обозом, на обжиг угля и заготовку дров. В это время жизнь Клавди становилась невыносимой. Как она ни старалась, всюду её встречали упреки – дикие, бессмысленные, тяжёлые, как удары.

Несколько раз Яков просил отца отпустить его с Клавдей на заработки, обещая высылать ему деньги, но отец не давал паспорт.

– Что же, выкормили, вырастили, а теперь, на старости лет, бросить хотите? Ведьма эта тебя подговаривает.

Но вот гроза, пронесшаяся над страной, захватила и глухие села, коснулась и семьи Якова.

Был объявлен рекрутский набор, и Яков попал в солдаты.

Вот уже подводы с новобранцами скрылись за стеной леса, а Клавдя всё ещё билась головой о мёрзлую дорогу. Но вот она почувствовала удар в бок:

– Ну, будя вылеживаться, корова. Домой ступай. Рабить кто за тебя будет?

Сдерживая рыдания, Клавдия давала скоту корм. Но слёзы хлынули, когда она начала доить коров. Подоив, она с трудом поднялась и, припав на спину корове, завывала и дала волю слезам. Закончив уборку по дому, она вошла в горницу, но здесь всё изменилось: на кровати в лаптях и зипуне лежал пьяный свёкор, а свекровь поила тёплым молоком сосунка-телёнка, привязанного к Яшиному верстаку.

– Ну, матушка-барыня, можешь на полати лечь. Будя, побарствовала.

Трудная глава

Не любили отец и мать рассказывать о том времени, когда Яков был в солдатах.

– Горька полынь-трава, а горше её служба царская.

Началось с мордобоя. По всякому поводу – в зубы. Да разве нужен был повод? Выходит утром офицер к роте, сразу видно, что здорово вечером выпили. Глаза кровью налились, лицо помятое, ну и начинает отводить душеньку на солдатах. Да и не то обидно, что бьют. Били и раньше, покрепче офицерского, душу мутит, что я здоровый парень, один из первых силачей в роте, а должен стоять навтыжку, да ещё требуют, чтобы голова не моталась от удара.

Уйдет офицер – свой брат, солдаты, изводить начнут. Бойкие да удалые насмешками изведут. А над чем смеялись? Найдут причину, в которой и не виноват. Татар да евреев высмеивали за то, что «басурманы» Мордвы да чувашаи – люди не наши. Так и на области делиться начали. Область над областью издевается: пензенские – толстопятые, пермские – солёные уши, а уж вятским доставалось наособицу:

– Эй, ты, вятский. Ваши вятски – ребята хватски, семеро одного не боятся. А как вы корову на баню тащили? А как, братцы, вятские крестный ход встречали?..

И, кривляясь, на вятском диалекте разыгрывали сцену:

– Заньцо!

– Цо?

– Звони в колокольцё.

– Зацем?

– Богородицю ведут. В энотовой шубе и кольцё в губе.

Вначале Яков пытался доказать, что он один семерых не боится, но драться он не любил. Уйдёт в сторону и думает, где же она, хорошая, красивая жизнь, о которой учитель рассказывал. Вспоминалась книга Водовозова. Вот в Японию бы попасть, в страну восходящего солнца. С Японией мир. Может, удастся увидеть эту чудесную страну?..

Но не попал Яков в страну восходящего солнца.

За Челябинском поставили Якова часовым в тамбур офицерского вагона. Всю ночь простоял он на сорокаградусном морозе, ветер от движения поезда пронизывал насквозь, а когда сменился, у него началась горячка.

Очнулся он через несколько недель в омском госпитале. Прележал четыре месяца. Болезнь дала осложнение на слух. Выписали его по чистой. И поехал Яков домой.

Тяжело было. Но эта тяжесть соскоблила с него деревенскую простоту. Перестал он быть вятским увальнем.

Добирался домой где поездом, где пешком, где на попутных подводах. Ночевал у добрых людей. Иногда останавливался заработать. Почти через год пришел он в Вятку.

Клавде было еще тяжелей.

Свёкор скоро начал под пьяную руку бить Клавдю смертным боем. Осталась она беременной, но от побоев родила на седьмом месяце. Прожил Ефимушка несколько дней и умер. Виновата оказалась Клавдя. И от жалости к умершему ребёнку, свекор, после похорон и поминок избил Клавдю. Свекровь всё ущипнуть старалась, оставляя синяки на теле:

– Вишь, мясо-то нагуляла, корова ленивая. Приехала-то совсем хилая, а теперь до мяса не ущипнешь.

Подрос брат Якова Оська. Приставать начал. Однажды подкараулил Оська Клавдю в сенках, когда она шла с подойником молока, схватил ее. Загремел подойник, выбежала свекровь:

– Вот девка-то гулящая. И здесь нашла себе.

Свёкор вступился за честь семьи. Сшиб Клавдю кулаком с ног, заголил ей тело и долго бил ногой в живот.

Долго ходила Клавдя согнувшись, а выздоровела, опять Оська приставать стал:

– Не карёжься, дура, выходи в ригу, не то изведу.

Всё это пришлось вытерпеть. Иногда убегала она от пьяного свёкра в коровник и грелась около коров, смачивая их пахучую шерсть слезами обиды и безысходного горя.

Однажды ночью раздался стук в окно горницы. Тихонько так постучали, а словно в сердце Клавдино ударили.

– Отопри, Клашенька.

Соскочила Клавдя с палатей. Тут и свекор со свекровью засуетились.

– Ах, ты, мати божия, богородица пречистая. Яшенька вернулся.

Вошел Яков в избу. Кинулась к нему Клавдя и отскочила. Совсем незнакомое лицо: скуластое, пушистой бородой обложено. Только когда зажгли лучину, увидела Клавдя знакомые ласковые глаза. Вцепилась в яшкины плечи. Взял её Яков на руки, усадил, как малое дитя на колени, и всё горе вылилось слезами на яшкину грудь.

Отец с матерью убрали свою постель с Яшкиной кровати и постелили его постель. Отнёс Яков на постель Клавдю. Ночь промелькнула, день заиграл ярким солнцем, а Яков всё ещё не мог выпустить из рук свою драгоценную ношу.

Мать подала завтрак и позвала Якова. Поели молча. Потом достал Яков из котомки платок цветастый – матери, картуз высокий – отцу, портмоне́т с замком – Оське, Заискивающимися, унижительными выражениями они благодарили Якова, чувствуя в нём человека.

Как сошлись пути столяра и графа

Была Речь Посполитая. Были великие рыцари. Было великое царство Польское «вид можа до можа». Были великие паны. Был сейм, где любой пан мог крикнуть: «Не позволим!», и вопросы законодательства страны решались булатным клинком в поединке. Украсив противника шрамом, паны отправлялись в имение, подавали друг другу руку, устраивали продолжительную попойку и любовались своим благородством.

Но сапог Николая I тяжело наступил на царство Польское. После Венского конгресса Польша стала провинцией Российской империи. Органический статут 1832 года упразднил сейм и войско Речи Посполитой. С этого времени польские паны стали идти в ногу с быдлом, которое именовало себя пролетариатом и училось марксистской науке интернационализма и диктатуры пролетариата. Паны и быдло состояли в одной партии ППС и делились на «правицу» и «левицу», но считали себя частью одного тела. «Правица» хотела самоопределения Польского государства, а «левица» требовала всего. «Правица» сверкала именами прославленных родовых панов: Даниковского, Пилсудского, Грабовского, Дмовского. В «левице» было ничем не прославленное быдло: Мартин Каспржак, Роза Люксембург, Юлиан Марх-

левский, Феликс Дзержинский.

В 1905 году «правица» решила договориться с царским правительством. Из Варшавы выехала делегация к Витте, во главе с паном Хмовским. Однако ни Витте, ни кто-либо другой из правительства не приняли делегацию.

Среди делегации был молодой отпрыск знатного графского рода, которого пока ещё не называли Ричардом, а просто Рисиком. Это был граф Чернота де Бояре-Боярские². Молодой горячий граф мечтал носить блестящие эполеты и аксельбанты польского фендрика³. Кроме этого, у него было всё: деньги, титул, поместья, родовые замки.

Когда в приёмной графа Витте один офицер сказал колкость по адресу Царства Польского, молодой граф Чернота де Бояре-Боярские отвесил ему полновесную пощечину и вызвал на дуэль. Но офицер не принял вызова, а Черноту де Бояре-Боярские просто сослали в места не столь отдалённые. По географическому представлению царских чиновников – в Акмолинскую губернию Кокчетавского уезда, в село Воскресенское, под надзор полиции.

Молодой граф купил у промотавшегося помещика имение и вложил свои капиталы в скотоводство, пользуясь даро-

---

² Другой представитель этого рода – российский генерал-лейтенант Бронислав Людвигович Чернота-де-Бояре-Боярский (1853—1953).

³ Одно время это польское слово использовалось в российской армии как звание прапорщика.

вой силой киргиз-казахских племён.

Одиночество располагало к чтению, и у графа скоро появилась богатейшая библиотека. Шкафы вмещали в себя фолианты и манускрипты, здесь были и Эдрон-Брокгауз, и всевозможные брошюры, Спиноза и Некрасов, Кант и Чернышевский, Спенсер и Роберт Оуэн, Ницше и Карл Маркс. А на письменном столе в кабинете лежала постоянно раскрытая книжка «Записки пана Дмовского⁴».

В село Воскресенское Кокчетавского уезда Акмолинской губернии Яков пришёл другим путём – от села к селу, от города к городу. Много профессий он перепробовал, но упорно не подпускал голод к своей семье. Когда весной он остановился в селе Воскресенском, Клавдя нянчилась с пятилетней дочуркой Настенькой и ждала сына. Двигаться дальше было тяжело.

Яков снял квартирку в две комнаты. В сенях поставил верстак и принимал столярные заказы.

Однажды около ворот квартиры Якова остановился экипаж. Управляющий графа позвал Якова.

– Садись вон рядом с кучером. Граф вызывает. Работу дать хочет. Угодишь графу – заплатит щедро, а если увидишь, что работа не по тебе – сразу откажись. Только помни, что называть графа надо «Ваше сиятельство», но на колени

---

⁴ Роман Дмовский (1864—1939) – польский политик и публицист националистического толка.

перед ним не вставай – не любит граф этого. Он немного особенный. Помни, что граф не любит пьянства и вранья. Что сделаешь не так, сразу признайся.

Скоро экипаж въехал во двор имения. Управляющий указал Якову на скамейку:

– Посиди, их сиятельство сейчас приедут. Гурты осматривает.

Яков от нечего делать разглядывал двор. Но вот в ворота въехал всадник. Ловко соскочил с коня и бросил поводья конюху. Яков забыл посмотреть на того, кто приехал, он залюбовался конём. Это было какое-то произведение искусства. Сколько грации в каждом движении. Малейший изгиб тела обнаруживал новую красоту. Можно было любоваться калейдоскопичностью его прекрасных движений.

Только когда управляющий толкнул Якова в плечо, тот увидел перед собой человека, одетого в изящный костюм. В человеке, как и в его коне, тоже чувствовалась порода: стройный корпус тела, холёное лицо, нежная кожа, плавные красивые движения – всё это сочеталось в одно целое и забирало человека под своё влияние.

– Что, паренек, растерялся?

– Да, нет, ваше сиятельство. На красоту вашей лошади загляделся, простите. Даже вас не заметил. Первый раз такую красоту вижу.

– А что, красив мой Буцефал? Прохор, подведи коня. Вот,

возьми его за повод.

Яков протянул руку к поводу, но глаза коня вдруг загорелись злобным огнём, ноздри раздулись, всё тело задрожало от оскорбления.

– Видишь, как он горд. А от этого ещё красивее становится. Трудно такую гордость покорить.

– Били его мало, да кормили хорошо, вот и гордости много. Любую тварь битьём да работой изнурить можно, ваше сиятельство.

– Не за эти ли слова тебя сюда выслали?

– Нет, ваше сиятельство, я сам пришёл сюда, сам и дальше пойду искать лучшего.

– Ну, а здесь что тебе надобно?

– Да вот, ваш управляющий привёз. Сказывали, что работа есть.

– Ну, пойдём.

Граф привел Якова в большую комнату и показал на шкафы, уставленные книгами.

– Вот, видишь шкафы? Отремонтировать надо и такие же новые сделать. Сможешь?

– Постараюсь, ваше сиятельство.

Яков горячо взялся за дело. Тонкая работа увлекла его. Шла она у него быстро. Граф был доволен.

Однажды граф заглянул в библиотеку и увидел, что Яков сидит на верстаке, углубившись в чтение. Не заметил он графа, книга целиком захватила его. Граф увидел, что Яков чи-

тает книгу Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра».

– Пан понимает, что тут написано?

– Нет, ваше сиятельство, не понимаю.

– Так ты бы взял вон сказки.

– Не в этом дело. Смысл книги я понимаю, но не понимаю, как можно в книге писать такое. Книга хорошему учить должна, людей добрыми делать, дикость-зверство уничтожать, а здесь что сказано-то: дал мне бог силу, так все для тебя не люди. Или эта книга не для нас писана, а в секрете таится, для тех, кто людям жизни не даёт?

– Ах, вот ты о чём. Да, дружок, трудно понять это нормальному человеку. Эту книгу сумасшедший писал, но кажется, умные люди его больше слушают, чем Льва Толстого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.